

УДК 81'1:215

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЯЗЫК — ТЕОЛИНГВИСТИКА — ЯЗЫКОЗНАНИЕ

А. К. Гадомский

В настоящей статье идет речь о проблемах религиозного языка, теолингвистики, языкознания.
Ключевые слова: религиозный язык, теолингвистика, языкознание.

Существует ли религиозный язык?

Над этим вопросом задумываются ученые России, Украины, Белоруссии, Польши, Германии, Англии. Практически все они убеждены в том, что при помощи языка может быть описано все, что связано с Богом, религией, религиозной жизнью человека. Тем не менее, в современной научной литературе нам не удалось найти однозначный ответ на поставленный вопрос.

Одна группа лингвистов утверждает, что религиозного языка не существует. И то, что принято называть религиозным языком — это просто одна из многочисленных сфер функционирования языка.

Другая группа утверждает, что религиозный язык существует. Но само явление, о котором идет речь, не имеет единого обозначения. Называют его по-разному: “религиозный язык” [12, с. 19 – 20], “язык религии” [16, с. 7, 23], “сакральный язык” [16, с. 5], “язык веры” [14], “язык сакрум” [17], “религиозно-проповеднический стиль” [7], “конфессиональный стиль” [10], “библейский стиль” [13], “церковно-религиозный стиль” [8].

Безусловно, все перечисленные термины нельзя назвать синонимами. Скорее всего, это члены единой лексической группы терминов. Наиболее нейтральным и часто употребляемым является термин “религиозный язык”. Перечисленные термины имеют в некоторой степени различное смысловое наполнение. Однако роднит их, прежде всего, то, что авторы, использующие их, пытаются описать явления, связанные с Богом, религией, нашедшие отражение в языке. Это имеет свои достоинства и недостатки. С одной стороны, бывает трудно пробиться сквозь многообразие терминов, но, с другой стороны, многообразие терминологии свидетельствует о том, насколько многоплановой является проблема “язык и религия”, и о том, что теолингвистика — раздел языкознания, разрабатывающий данную проблему, активно развивается.

Феномен религиозного языка, по нашему мнению, связан, прежде всего, с проблемой картины мира (концептуальной и языковой). Окружающий нас мир (универсум) складывается из множества миров: “мира биологии”, “мира химии”, “мира медицины”, “мира религии” и ряда других миров. Все эти миры отражены в общенаучной, концептуальной картине мира, которая также складывается из специальных картин мира. Каждый из этих миров отражается в языке. Поэтому языковая картина мира так же, как и концептуальная, научная картина мира, складывается из ряда языковых картин мира: “языковой картины мира биологии”, “языковой картины мира химии”,

“языковой картины мира медицины”, “языковой картины мира религии” и т. д. [4, с. 186 – 193].

Языковые средства “религиозной языковой картины мира”, используемые для отражения “религиозной картины мира”, по нашему мнению, и являются религиозным языком.

Мир религии неоднороден: поскольку в современном обществе нет единой религии, нет единобожия, нет единых обрядов, нет единого отношения ко всему этому, то неоднородна и “языковая религиозная картина мира”, границы местами ее нечетки, размыты и накладываются на границы других языковых картин мира. Неоднородны и языковые средства, которые используются человеком для описания мира религии. Отсутствие единого термина для обозначения того явления, которое многие ученые называют религиозным языком, объясняется именно этой неоднородностью. Эта же причина позволяет ученым говорить о религиозном языке в узком и широком понимании слова, о ядре и периферии религиозного языка [4, с. 186 – 193; 12]. Поэтому наиболее рациональным подходом в описании религиозного языка мы считаем описание его с учетом его многоплановости, многогранности. А проблема более тщательного анализа, описания ядра и периферии религиозного языка еще ждет своего решения.

Теолингвистика и религиозный язык

Появление языкознания как науки многие ученые объясняют религиозными потребностями. Достаточно вспомнить о языковедческих открытиях, сделанных в древней Индии (грамматика Панини) и фонетических и других открытиях арабов-мусульман, которые заботились о сохранности языка культа, который является частью религиозного языка.

Другими словами языкознание возникло как теозыкознание (теолингвистика) и только с веками приобрело светский характер. Однако об этом почему-то все забыли, как и забыли о том, что языкознание в первую очередь служило потребностям Церкви и занималось исследованием религиозного языка. И сегодня многие почему-то думают, что религиозный язык — это что-то, чего раньше не было, или вообще сомневаются в его существовании, а теолингвистика — наука сравнительно молодая. Это, пожалуй, не так. Чего нельзя сказать о самом термине “теолингвистика”, который сравнительно молод и которому в этом году исполнилось только двадцать пять лет. “Отцом” термина “теолингвистика” принято считать Jean-Pierre van Noppen [19, с. 1]*, который впервые употребил это слово в его современном значении в 1981 году.

По его мнению, теолингвистика — это наука, охватывающая “круг интересов, которые имеют такую же длительную и богатую историю, как и развитие человеческого языка с его средствами концептуализации и выражения. Это сфера понимания Бога человеком [...]; однако же, в первую очередь, этот термин имеет отношение к заинтересованности человека языком, корни которой уходят в столетия, и которая должна была вызвать в Церкви многочисленные дебаты на тему религиозного языка [...]. Вначале эта дискуссия не выходила за четко очерченные границы круга теологов и философов. Однако по мере нарастания интереса к этой проблеме в дискуссию

* Информацию о работах этого автора можно найти в Интернете на страницах <http://homepages.ulb.ac.be/~jpvannop/publications.html> (по состоянию на 25.11.2006).

включились лингвисты, психологи, антропологи и социологи. Интерес к религиозному языку, который впоследствии был назван революцией, очень быстро стал причиной продуктивных поисков, имеющих своей целью не столько решение фундаментальных и вечных проблем теологии, сколько положительную оценку (отдельных) явлений в сфере религиозного языка” [19, с. 1, цит. по: 18].*

Более подробную информацию о появлении и распространении (популяризации) этого термина можно найти в работах Э. Кухарской-Драйсс [18, с. 23 – 30] и А. Гадомского [6, с. 16 – 26]. Однако с полной уверенностью нельзя сказать, что этот термин принят полностью и безоговорочно, несмотря на то, что он употребляется германистами, англистами, полонистами и русистами, уже нашел отражение в некоторых энциклопедиях [15, с. 412]. И сегодня далеко не все языковеды согласны с тем, что можно его употреблять, и что существует такой раздел языкознания, как теолингвистика.

Объяснить это можно следующими как социально-религиозными, так и лингвистическими причинами.

Во-первых, далеко не все языковеды являются людьми верующими и ставят под сомнение существование самого Бога и анализ языка того, чего нет, считают бессмысленным.

Во-вторых, существует группа верующих, считающих анализ языка связанного с Богом, недопустимым. А если допускают такую возможность, то не в рамках лингвистики и не светскими людьми.

В-третьих, среди лингвистов, сталкивающихся с проблемой “язык и религия”, существуют разногласия. Многие из них ограничивают эту широкую многоплановую проблему до рамок одной из языковых проблем, например, стилистики, лексики, фразеологии. И проводят эти исследования в рамках названных разделов языкознания, тем самым игнорируя проблему существования такого явления, как “религиозный язык”, и отрицая при этом существование такого раздела языкознания, как теолингвистика.

Иллюстрацией к сказанному выше может служить эмпирический характер этих исследований. Работ общетеоретического плана по теолингвистике не так много.

* Цит. по Э. Кухарска-Дрейсс [10, с. 24]: J.-P. van Noppen (red.), *Theolinguistics* (= Studiereeks Tijdschrift VUB, Nieuwe Serie Nr. 8). VUB, Brussels 1981, s. 1; русск.: “The new term covers an area of interest with history as old and respectable as Man’s attempt to voice, with the means of conception and expression at his disposal, his understanding of the divine [...]; but it is meant to refer more specifically to the interest in language whose origins can be traced back to the turn of the century, and which was to result in the church-wide debate over religious language [...]. Initially, the discussion remained confined within the theological and philosophical camps; but with growing public interest, it was joined by linguists, psychologists, anthropologists and sociologists alike, and the appraisal of religious language which was once called a reluctant revolution soon gave way to an enthusiastic and productive quest aiming not so much at solving the fundamental and traditional problems of theology as at reaching a more satisfactory assessment of the issues involved”.

В действительности термин *theolinguistics* появился в работах J.-P. van Noppена гораздо раньше – J.-P. van Noppen, *Alter Wein in neuen Schläuchen? Ein Beitrag zur empirischen Betrachtung von Kommunikationsproblemen in der Rede von Gottw: „Linguistica Biblica. Interdisziplinäre Zeitschrift für Theologie und Linguistik»* 37, 1976, s. 1 – однако он не связан ни с одной из приведенных здесь дефиниций (замечание Э. Кухарской – Драйсс, перевел А. Г.).

Другими словами, эти работы подчинены лингвистической, а не теолингвистической проблематике. Чего нельзя сказать, например, о работах по социолингвистике, психолингвистике.

В предыдущих работах нами было дано следующее определение теолингвистики: “теолингвистика (от греч. *theos* — Бог и лат. *lingua* — язык) — это наука, возникающая на стыке языка и религии и исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке” [3, с. 164 – 167; 5, с. 33 – 38].

В настоящей статье хотелось бы сделать некоторые уточнения, внести некоторые дополнения к ранее сказанному: под теолингвистикой следует понимать также раздел языкознания, который занимается изучением религиозного языка в узком и широком понимании этого термина.

Другими словами, теолингвистика (от греч. *theos* — Бог и лат. *lingua* — язык) — это наука, возникающая на стыке языка и религии и исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке; раздел языкознания, который занимается исследованием религиозного языка в узком и широком понимании этого термина.

Теолингвистика и языкознание

“Языкознание (языковедение, лингвистика) — наука о естественном человеческом языке и обо всех языках мира как индивидуальных его представителях” [11, с. 618].

“Традиционно языкознание подразделяется на внешнее (Вильгельм фон Гумбольдт) и внутреннее (Ф. де Соссюр) ...” [20, с. 279].

“Учитывая тот факт, что языком занимаются также и другие науки (логика, философия, психология и др.), языкознание часто определяется как наука, для которой язык является главным предметом исследования. Следует обратить внимание на тот факт, что в исследованиях языка невозможно провести четкую границу между аспектами языковедческими и аспектами неязыковедческими. Особенно это трудно сделать в настоящее время, которое характеризуется тенденцией к интеграции наук” [20, с. 279].*

На переломе второго и третьего тысячелетий языкознание несколько изменило объект своего исследования: от “языка в себе” лингвистика постепенно переходит к изучению языка в более широком контексте. А идеи Вильгельма фон Гумбольдта не только дополняют идеи Фердинанда де Соссюра, но и являются своеобразной базой, платформой, основанием для развития новых направлений в лингвистической науке. Это социолингвистика и психолингвистика, антропологическая лингвистика и этнолингвистика, этнопсихолингвистика и социопсихолингвистика и т. д. [9, с. 7]. И в этом есть ряд позитивных моментов. Языкознание перестало быть наукой “самой в себе”.

Однако деление языкознания на внутреннее и внешнее несколько изменило и отношение к результатам исследований наук, перечисленных в предыдущем абзаце

* Цит. по: K. Polański (red.), 1999, *Encyklopedia jezykoznaństwa ogólnego*, Wrocław – Warszawa – Kraków: “Z uwagi jednak na to że język. zajmują się także inne dyscypliny naukowe (logika, filozofia, psychologia i inne), jezykoznaństwo często określa się jako nauka, dla której język jest głównym przedmiotem badań. Należy zaznaczyć, że ostrej granicy między aspektem jezykoznańczym a aspektami niejezykoznańczymi badań przeprowadzić się nie da, zwłaszcza w obecnych czasach, które charakteryzują się między innymi tendencją do integracji nauk.” [с. 279] (перевод – А. Г.)

настоящей статьи, и привело к тому, что исследования, проводимые в их границах, пытаются если не проводить, то рассматривать в отрыве от исследований над языковой системой. Это дает повод ряду ученых утверждать, что эти исследования исключительно интердисциплинарны и имеют столько же общего с лингвистикой, как и с культурологией, психологией, социологией, юриспруденцией и рядом других наук, и полностью лингвистическими назвать их нельзя, поскольку они практически не затрагивают языковой системы. И поэтому они менее ценны с лингвистической точки зрения. С таким мнением приходится сталкиваться на конференциях, в частных беседах, в процессе обсуждения проблем теолингвистики, которая не так давно была названа в ряду перечисленных выше наук.

Думается, что такое отношение следует изменить. И для этого есть основания. Нами была предпринята попытка анализа языковой системы с позиций теолингвистики с целью выявления языковых явлений и языковых единиц, появление и функционирование которых в языковой системе обусловлено религиозными факторами [1, с. 11 – 20; 2, с. 24 – 41]. Языковые факты позволили выделить языковую единицу теонему, которая представлена в виде языковых вариантов практически на каждом уровне языковой системы. При этом варианты теонемы, подобно другим языковым единицам языковой системы, находятся в парадигматических и синтагматических отношениях, что свидетельствует о том, что религиозный язык “пророс” в языковой системе, а теолингвистика, изучающая религиозный язык, является разделом не только внешнего, но и внутреннего языкознания.

Список литературы

1. Гадомский А. К. К вопросу о единицах теолингвистики // Восточнославянская филология // Восточнославянская филология: Сборник научных работ. Выпуск 11. Часть 1. Языкознание. — Горловка: изд-во ГПШИЯ, 2006. — С. 11 – 20.
2. Гадомский А. К. Некоторые направления исследований теолингвистики // Наукові записки Луганського національного педагогічного університету. Вип. 7. Серія філологічні науки: збірник наукових праць [Норми та парадокси свідомості й мислення, їх відображення в мовній картині світу]. — Луганськ: Альма-матер, 2006. — С. 24 – 41.
3. Гадомский А. К. О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии // Культура народов Причерноморья. — №49. — Т.1. — 2004. — С. 164 – 167.
4. Гадомский А. К. Религиозный язык или стиль: попытка систематизации терминологии теолингвистики // Ученые записки Таврического национального университета. — Т. 19 (58) №2 Филология. — Симферополь: ТНУ, 2006. — С. 186 – 193.
5. Гадомский А. К. Семантико-прагматические проблемы теолингвистики // Науковий вісник Луганського національного педагогічного університету. — №12 (80). — 2004. — С. 33 – 38.
6. Гадомский А. К. Теолингвистика: история вопроса // Ученые записки Таврического национального университета. — Т. 18 (57). №1. Филология. — Симферополь: ТНУ, 2005. — С. 16 – 26.
7. Гостеева С. А. Религиозно-проповеднический стиль в современных СМИ // Журналистика и культура русской речи. — Выпуск 2. — М., 1997.
8. Крылова О. А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. — Екатеринбург, 2000.
9. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию: Учебное пособие — М.: Наследие, 1997. — 208 с.

10. Шевченко Л. Л. Конфесійний стиль // Українська мова: енциклопедія. — К.: „Українська енциклопедія” ім. М. П. Бажана, 2000. — С. 252 – 253.
11. Языкознание. Большой энциклопедический словарь/Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 685 с.
12. I. Bajerowa, J. Puzynina, 2000, *Art. Język religijny. Aspekt filologiczny*, [w:] *Encyklopedia katolicka*, Lublin, t.8. s. 19 – 20.
13. D. Beńkowska, 2002, *Polski styl biblijny*, Łódź.
14. H. Cazalles, J. Deforme, 1975, *Język wiary w piśmie świętym i świecie współczesnym*, Warszawa.
15. D. Crystal, *Die Cambridge-Enzyklopädie der Sprache, Übers. und Bearb. Der dt Ausg. Von Stefan Röhrich, Campus, Frankfurt a. M.-New York 1993* [оригинал: D. Crystal, *The Cambridge Encyclopedia of Language*, Cambridge University Press, Cambridge-New York-Melbourne 1987], s. 412.
16. M. Karpluk, J. Sambor (red.), 1988, *O języku religijnym. Zagadnienia wybrane*, Lublin, s. 5, 7, 23.
17. L. Kołakowski, 1991, *O wypowiedaniu niewypowiedzianego: język i sacrum*, [w:] Bartmiski J., R. Grzegorzczkowa (red.), *Język a kultura. T. 4. Funkcje języka i wypowiedzi*, Wrocław.
18. E. Kucharska-Dreiss, 2004, *Teolingwistyka — próba popularyzacji terminu*, [w:] S. Mikołajczak, T. Węclawski (red.), *Język religijny dawniej i dziś*, Poznań, s. 23 – 30.
19. J.-P. van Noppen (red.), *Theolinguistics* (= Studiereeks Tijdschrift VUB, Nieuwe Serie Nr.8). VUB, Brussel 1981, s. 1.
20. K. Polański (red.), 1999, *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*, Wrocław — Warszawa — Kraków.

Гадомський О. К. Релігійна мова – теолінгвістика – мовознавство.

У статті йдеться о проблемах релігійної мови, теолінгвістики, мовознавства.

Ключові слова: релігійна мова, теолінгвістика, мовознавство.

Gadomski A. Religious language – theolinguistics – linguistics.

In present clause there is a speech about the problems language, theolinguistics, linguistics.

Key words: religious language, theolinguistics, linguistics.

Статья поступила в редакцию 5 декабря 2006 г.